
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

О. Е. ЭТИНГОФ

М. А. БУЛГАКОВ И Б. Е. ЭТИНГОФ: БЫЛА ЛИ ВСТРЕЧА НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Историк, внучка участника Гражданской войны большевика Бориса Евгеньевича Этингофа, проверяет по архивным материалам достоверность рассказов о встрече ее деда с выдающимся писателем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, служившим офицером в Белой армии, и выясняет обстоятельства их отношений.

Ключевые слова: Булгаков, Кавказ, Владикавказ, фронт, Гражданская война, денкиинцы, белые, красные, большевики, войска, подполье.

М. О. Чудакова (1988: 279) приводит пересказ воспоминаний о встрече М. А. Булгакова и Б. Е. Этингофа в Москве: «Существует устное свидетельство Е. Ф. Никитиной о следующем эпизоде. На одном из Никитинских субботников Булгаков, увидев среди присутствующих некоего человека, на глазах у всех бросился обнимать его. Обнявшись, они долго стояли молча. Никто не знал, в чем дело. Позднее Никитина узнала от Б. Е. Этингофа, что именно связывало его с Булгаковым. Будто бы в момент прорыва Южного фронта красными войсками была взята в плен большая группа офицеров; среди них были и врачи. Этингоф был комиссаром в этих частях. Он обратился к врачам:

– Господа, мы несем потери от тифа. Вы будете нас лечить?

Предложение было высказано в такой ситуации, когда всех пленных ожидал расстрел. И будто бы Булгаков ответил, что он находится в безвыходном положении, и он в первую очередь – врач, во вторую – офицер...

Он остался жив, другие были расстреляны. Это воспоминание и заставило их, встретившись через несколько лет в Москве, в мол-

чании обнять друг друга; молчание это представляется психологически достоверным».

Рассказ об этом эпизоде Чудакова услышала от журналиста В. М. Захарова 25 октября 1987 года, он узнал о нем от Е. Ф. Никитиной в начале 1960-х годов, а Никитина, бывшая очевидицей встречи, слышала комментарии Этингофа несколькими десятилетиями раньше. Тем самым достоверность деталей повествования вызывает серьезные сомнения, и сама Чудакова относится к нему с осторожностью. Как отмечает исследовательница (Чудакова 1988: 280, примеч.), «дать ключ к проверке данного эпизода мог бы внимательный анализ биографии Б. Е. Этингофа этих месяцев; на эту задачу мы обращаем внимание всех, кто имеет вкус к разысканиям».

Ю. Г. Виленский (1991: 116) воспринял эту коллизию как показатель верности Булгакова врачебному долгу. Другой эпизод излагает в своих воспоминаниях дочь Этингофа Н. Б. Этингоф (2008: 325–326). Осенью 1939 года, планируя поставить инсценировку «Дон Кихота» в Костромском ТЮЗе, она пришла к Булгаковым попросить рукопись. Больной Булгаков, узнав, что она дочь Этингофа, взволнованно и бурно выразил свое расположение к нему.

Насколько можно доверять этим мемуарам? Чем объясняется столь эмоциональное поведение писателя и на Никитинском субботнике, и при встрече с Н. Б. Этингоф? Был ли писатель взят в плен во время Гражданской войны на фронте? Попробуем выполнить пожелание Чудаковой и найти «ключ» к взаимоотношениям этих двух людей, а также ответить на возникшие вопросы.

* * *

Поскольку в рассказе Никитиной говорится о прорыве Южного фронта красными, вероятно, имелись в виду боевые действия Гражданской войны на Юге России или Северном Кавказе. Булгаков приехал из Киева на Северный Кавказ ранней осенью 1919 года в качестве военного врача. Писатель сам давал показания в Москве осенью 1926 года: «С августа 1919... во Владикавказе» (Шенталинский 2001: 278).

Аналогичное свидетельство содержится в заметках, записанных П. С. Поповым со слов Булгакова: «Жил в Киеве безвыездно с февраля м. 1918 по август 1919 года» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. 5. Л. 5).

Однако исследователи уже обращали внимание, что денкикинцы вошли в Киев 18 августа 1919 года по старому стилю, или 31 августа 1919 года – по новому. Если писатель попал на Кавказ в августе, значит, он покинул Киев либо при красных, либо сразу после

взятия города белыми. Расхождение в датах может объясняться параллельным использованием хронологии старого и нового стиля в период Гражданской войны. Т. Н. Лаппа, первая жена писателя, сообщая об их жизни в этот период, настаивала, что Булгаков уезжал при белых и попал к ним по мобилизации: «...В августе прошел слух, что возвращается Петлюра. Конечно, Михаилу бы не поздоровилось, и вот мы пошли прятаться в лес... и пришли белые. Тогда мы вернулись... И вот, как белые пришли в 1919-м, так Михаилу бумажка пришла, куда-то там явиться. Он пошел, и дали ему назначение на Кавказ... Кажется, в конце августа или начале сентября... И вот он уехал во Владикавказ и взял с собой мою браслетку, попросил “на счастье”, а недели через две вызвал меня телеграммой, я... уехала из Киева... Михаил ехал по мобилизации...» (Паршин 1991: 71–73, 76–77).

Д. А. Гиреев предполагал, что Булгаков первоначально прибыл в Пятигорск и его направили в 3-й Терский полк (Гиреев 1980: 27; Гиреева 1994: 52). По словам Лаппы, Константин (К. П. Булгаков – двоюродный брат М. А.) и младшие братья Николай и Иван стали служить у белых лишь после отъезда четы Булгаковых из Киева на Кавказ. Так же полагает и Е. А. Земская (2004: 130) на основании сохранившихся семейных писем и устных сообщений: «К 1 декабря 1919 г. в Киеве осталась только мама, Иван Павлович и Леля. Младших сыновей уже нет в Киеве – они уходят с белой армией за границу. Мать объясняет “случившееся” тем, что у Коли повреждено легкое и, не долечив, “пришлось отправить его на юг”».

Однако Лаппа отчасти противоречит себе, поскольку рассказывает, как Булгаков случайно (?) встретил Константина на вокзале в Ростове по дороге на Северный Кавказ (Паршин 1991: 71, 73). Со всем другую версию отъезда из Киева излагает зять Булгакова Л. С. Карум. Вот краткое описание событий в его мемуарах: «А в 1919 году Киев захватили деникинцы. Булгаков летом 1919 года проживал где-то “в нетях” на даче под Киевом. Он прятался, так как уклонялся от мобилизации врачей в Красную Армию. И уклонился благополучно. Но в Киеве он решил больше не оставаться: фронт советско-деникинский был слишком близко, в 15 километрах от Киева. Булгаков решил уехать вглубь белой территории, где более спокойно. В августе 1919 года Михаил вместе с Тасей покинули Киев. Булгаков был назначен врачом во Владикавказский военный госпиталь» (Карум 1967: Л. 14).

В другом месте Карум повествует об этом более подробно: «В последний месяц, когда в июле 1919 года большевики объявили

поголовную мобилизацию, Миша скрылся из Киева, на мобилизационный пункт не явился, и скрывался в районе Бучи по знакомым дачам. Этим он избежал мобилизации. С появлением добровольцев он опять появился в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу... В общем, когда я приехал в Киев на свою старую квартиру по Андреевскому спуску № 13, то там были только Варенька и Тася, доктор Миша Булгаков и студенты Коля и Ваня успели уже в первые шесть дней поступить в Добровольческую армию и уйти из Киева... Я приехал в Киев на 6-й день после его занятия Добровольцами, но на городе лежала еще печать ужаса последних дней большевистской власти. Дело в том, что большевики, видя неминуемую сдачу Киева, взяли огромное, более 1000 человек число заложников, чтобы в городе было спокойно, и разместили их в подвалах ЧК на Левашевской и других улиц Липок. В ночь перед сдачей Киева чекистские патрули ходили по городу и арестовали всех, кто попадался под руку. К рассвету все подвалы и дворы всего квартала в Липках, где помещалось ЧК, были заполнены людьми. И вот был дан при отходе приказ: Всех расстреливать! Расстреливали из пулеметов. Всего было расстреляно до 1500 человек или более, никто точно не знает... Я уезжал из Киева на 11-й день после его взятия... Сейчас же после приезда в Киев я стал готовиться к отъезду... Миша хотел ехать со мной... Я узнал на вокзале, что в Таганрог идет вагон, принадлежащий одному из деникинских генералов, кажется, Драгомирову... Я пробыл в Киеве 5 дней... На шестой я отыскал вагон, куда мы погрузились с Варенькой, Мишей и Тасей. Вагон прицепили к поезду, который шел в Таганрог, и 30 августа 1919 года мы двинулись в путь... Ехать было очень хорошо, вагон был пустой. В Синельниково мы вышли и стали ждать харьковский поезд» (Карум б. г.: Лл. 2444(?), 2446–2448).

Относительно обстановки в Киеве при красных и деятельности местной ЧК имеется сходная информация в летних и осенних сводках Освага 1919 года, из которых ясно, что именно к августу ситуация стала особенно угрожающей: «Киевская Чрезвычайная комиссия, руководимая Сорокиным, культивирует систему расстрелов. Убито много видных общественных деятелей, которые были обвинены в фантастических заговорах против советской власти... Лукьяновская тюрьма и все другие арестантские помещения забиты арестованными...» (29 июня 1919 года); «Ужасы киевской Чрезвычайки не поддаются описанию. В последнее время царил ужасаю-

ший террор с самыми утонченными пытками. Работали в Чрезвычайке преимущественно женщины. В день ухода большевиками расстреляно 1500 человек, заключенных в Лукьяновской тюрьме... Выяснилось, что в последние дни перед оставлением города большевиками отправлены в Москву большие эшелоны заложников; среди них много офицеров, отказавшихся служить в Красной армии» (16 сентября 1919 года) (Фельштинский, Чернявский 2004: 270–271, 288–289).

Аналогичным образом зверства Всеукраинской ЧК описаны в репортажах, которые публиковались в газете «Киевское эхо» (август – сентябрь 1919 года) (Булгаков 2004, т. 1: 85–87, 620–628). И в них речь идет о последних расправах чекистов перед тем, как красные покинули город.

Э. Л. и Р. И. Бобровы со слов Этингофа рассказывали, что на допросе во Владикавказе весной 1920 года Булгаков давал показания о том, что он бежал из Киева. Это свидетельство вполне согласуется с мемуарами Карума и информацией о ситуации в городе. Вначале Булгаков скрывался от большевиков «в нетях», а когда пришли белые, спешно покинул Киев, опасаясь возвращения большевиков, тем более что линия фронта пролегла в непосредственной близости от города. Возможно, Ю. Л. Слезкин (2005: 16) в романе «Столовая гора» подразумевал именно эту ситуацию бегства Булгакова от красных, говоря, что его герой Алексей Васильевич (его прототипом и был Булгаков) пишет автобиографический роман под названием «Дезертир». Так же можно истолковать слова из «Необыкновенных приключений доктора» о докторе N, где речь идет о моменте после пребывания красных в Киеве в 1919 году: «Кончено. Меня увозят» (Булгаков 2004, т. 1: 107).

С. П. Ноженко (2005: 149), основываясь на мемуарах Карума, уже отметила, что Булгаков уезжал во Владикавказ добровольно, а не по мобилизации (см. также ее комментарии к книге: Булгаков 2006: 464). Кажется, нет оснований сомневаться в достоверности воспоминаний Карума, особенно учитывая точность его хронологии.

Т. С. Гойгова в 1960 году писала Е. С. Булгаковой: «Михаила Афанасьевича я хорошо помню. Мы вместе работали в отд. народн. образов. в Орджоникидзе, кроме того, он еще раньше знал мою ст. сестру, кот. была на войне (I ой импер.) мед. сестрой, в то время как он был воен. врачом» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 34. Ед. 9. Л. 1).

Это письмо уже приводила Чудакова (1988: 143, примеч.). Еще раньше Л. М. Яновская (1983: 77) сообщала, что Гойгова передала

Е. С. Булгаковой экземпляр пьесы Булгакова «Сыновья муллы» и, ссылаясь на Х. В. Туркаева, приводила выдержку из рукописи Гойговой о том, что Булгаков бывал у них дома и консультировался по поводу персонажей пьесы с ее мужем, А.-Г. Гойговым. Ноженко (2005: 148–149) нашла материалы, касающиеся медсестры Лидии Бек-Бузаровой, окончившей курсы сестер милосердия при Владикавказском военном госпитале и причисленной к пятигорской общине, которая работала с Булгаковым в Могилеве-Подольском в Самарском госпитале Красного Креста с ноября 1915 года. Она и была родной сестрой Гойговой, урожденной Бек-Бузаровой. Ноженко высказала предположение, что Булгаковы могли ехать во Владикавказ в 1919 году в надежде остановиться у Бек-Бузаровых во Владикавказе в доме № 37 на углу Мариинской и Московской улиц. Во всяком случае, как свидетельствовала Гойгова, Булгаков впоследствии при красных был ее сослуживцем и бывал у них в доме.

В этом контексте можно отметить, что при штабе генерала И. Г. Эрдели в Пятигорске состоял полковник Генерального штаба обер-квартирмейстер Булгаков. Его именем в Пятигорске подписаны документы с 23 марта 1919 года по 2 января 1920 года (ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31, 32; Цветков 1999, № 1: 39, № 2: 58–61; Белопольский б. г.). Инициалов в этих бумагах нет. Военный историк С. В. Волков любезно сообщил нам, что имя этого полковника – Константин Герасимович Булгаков, который с 13 марта 1919 года был обер-квартирмейстером штаба войск Терско-Дагестанского края, с сентября-октября того же года – обер-квартирмейстером войск Северного Кавказа, уволен со службы 1 апреля 1920 года. Он родился в 1885 году, окончил Академию Генштаба в 1914 году, был капитаном, старшим адъютантом в штабе Кавказской гренадерской дивизии, затем в Добровольческой армии и ВСЮР. К 16 июля 1920 года К. Г. Булгаков оказался на о. Протии, был в эмиграции в Югославии, в 1923–1924 годах – членом Общества офицеров Генерального штаба. После 1945 года жил в Аргентине, умер 13 марта 1968 года в Буэнос-Айресе. Автор книги «Русский и германский военный мир о творчестве К. С. Попова», изданной в Буэнос-Айресе в 1957 году.

Согласно исследованиям родословной семьи Булгаковых, ничего не известно о родственнике с таким отчеством, т. е. мы не предполагаем доказательствами его родства с писателем, они могли быть просто однофамильцами. Но наши знания о дальних родст-

венниках этой семьи могут быть пока неполными. Нельзя исключить, что Булгаков отправлялся на Кавказ не только к знакомой медсестре, но и к какому-то кузену (?), состоявшему при штабе Эрдели.

Примечательно, что Гиреев (1980: 33–34, 37, 42, 44, 60) также допускал, что у Булгакова были родственники в Пятигорске и Владикавказе, он перечислял брата Николая (вольноопределяющегося), двоюродного брата Константина Петровича, служившего в штабе Терского казачьего войска, и дядю (?) Ивана Андреевича, генерала-квартирмейстера в штабе командующего войсками Северного Кавказа. Доверять Гирееву нельзя, достоверные данные переплетены у него с безудержным авторским вымыслом. Однако упоминание квартирмейстера Булгакова при штабе командующего указывает на знакомство Гиреева с какими-то документами, возможно, он также встречал имя «Константин» и отождествил его с Константином Петровичем.

Здесь интересно обратиться к реакции Лаппы на книгу Гиреева. В письмах, обращенных к нему, она не соглашалась со многими деталями и отмечала неточности. Однако при этом с нескрываемым любопытством спрашивала, какими материалами он пользовался, догадываясь, что он располагал документальной информацией об их жизни на Кавказе (Гиреева 1994: 50–52). И действительно, в письме от 29 ноября 1980 года он сообщал ей, что основывался на документах архивов, в том числе архива Терского казачьего войска, и газетах, издаваемых при белых (Там же: 52). Вместе с тем, отвечая на вопросы Л. К. Паршина, Лаппа отзывалась о книге Гиреева в резко негативном тоне, а главное, горячо опровергала присутствие родственников М. А. Булгакова на Кавказе (Паршин 1991: 79–80).

По-видимому, и Лаппа, и В. М. Булгакова были не вполне откровенны, умалчивая об истинных обстоятельствах службы молодых Булгаковых в деникинской армии, и намеренно скрывали причины, которые заставили писателя, его братьев и кузенов отправиться на Юг России. Возможно, Лаппа повторяла, что Булгаков уехал один, без нее потому, что это подтверждало версию о мобилизации белыми, в то время как Карум подробно рассказывает, что увозил их обоих по-семейному, т. е. добровольно.

Лаппа рассказывает о пребывании их семьи на Северном Кавказе при белых: «Он начал работать в госпитале... Во владикавказском госпитале Михаил проработал всего несколько дней, и его

направили в Грозный, в перевязочный отряд. В Грозном мы пришли в какую-то контору, там нам дали комнату. И вот, надо ехать в этот перевязочный отряд, смотреть... Какое-то время так продолжалось, а потом наши попалили там аулы, и все это быстро кончилось. Может, месяц мы были там. Оттуда нас отправили в Беслан... Там мы мало пробыли. Жили в какой-то теплушке прямо на рельсах. Потом пришла бумажка ехать во Владикавказ. Мы приехали, и Михаил стал работать в госпитале» (Паршин 1991: 71–73, 76–77).

У Чудаковой (1988: 280) читаем: «Татьяна Николаевна никогда не упоминала о том, что Булгаков был в плену у красных; трудно вычленить момент, в который это могло произойти – осенью 1919 года Булгаков, казалось бы, должен был благополучно добраться до места назначения, поскольку весь юг России был в руках Добровольческой армии, а в момент развернувшегося наступления красных в начале 1920 г. он был в основном во Владикавказе. Однако он выезжал, по-видимому, в феврале 1920 года – прежде чем его свалил тиф, и мог попасть в какие-то переделки».

Однако, рассказывая о жизни Булгакова в Грозном, его первая жена отмечала: «Уезжал утром, на ночь приезжал домой. Однажды попал в окружение, но вырвался как-то и все равно пришел ночевать...» (Чудакова 1988: 118).

В действительности ситуация была гораздо серьезнее – Булгаков участвовал в боях и был ранен. Как вспоминал писатель в дневнике 23 декабря 1924 года, описывая свое выступление в газете «Гудок», в ноябре 1919 года он был контужен и именно в Чечне, т. е. в период их жизни в Грозном: «Я до сих пор не могу совладать с собой, когда мне нужно говорить, и сдерживать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером ремне, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь... видел... картину моей контузии под дубом и полковника, раненого в живот... Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-аул... Меня уже контузили через полчаса после него. Так вот я видел тройную картину. Сперва – этот ночной ноябрьский бой, сквозь него – вагон, когда я уже об этом бое рассказывал, и этот бессмертно-проклятый зал в “Гудке”» (Михаил... 2004: 46–47).

Ф. С. Киреев (2007: 199) предположительно идентифицирует погибшего под Шали-аулом полковника с Алексеем Данильченко, который командовал бригадой в 3-й Терской конной дивизии, куда

входил и 3-й Терский казачий полк. Не эта ли контузия Булгакова под Шали-аулом отразилась и в описании ранения Алексея Турбина в «Белой гвардии», где герою в Киеве также прострелили именно левую руку и где он бредил после такого тяжелого ранения? И поднялся с постели Турбин накануне Рождества, т. е. примерно через месяц после ноября (Булгаков 2004, т. 3: 210–211, 230, 232, 290).

Булгаков откровенно сообщает в показаниях 1926 года: «На территории белых я находился с августа 1919 г. по февраль 1920 г. Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением» (Михаил... 2004: 65).

Ю. Л. Слезкин (1979: 3) вспоминал 21 февраля 1932 года: «С Мишей Булгаковым я знаком с зимы 1920 г. Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента».

С февраля 1920 года Булгаков оставил врачебную практику и начал сотрудничать в белой газете «Кавказ». Согласно Гирееву (1980: 60), Булгаков подал рапорт о том, что по состоянию здоровья не может продолжать службу в армии. Это представляется правдоподобным, учитывая состояние писателя после контузии. В феврале же (?) 1920 года Булгаков вернулся во Владикавказ из Пятигорска, куда ездил на сутки, после чего заболел возвратным тифом. Вероятно, начало болезни отразилось и в финале «Необыкновенных приключений доктора», помеченных февралем 1920 года (поскольку Лаппа также вспоминала о насекомых в связи с заболеванием мужа): «Я сыт по горло и совершенно загрызен вшами» (Булгаков 2004, т. 1: 113).

В это время деникинцы отступили из Владикавказа, а Лаппа побоялась транспортировать больного мужа. Когда Булгаков стал выздоравливать, в городе уже правили красные (Чудакова 1988: 133–134). Писатель сам давал соответствующие показания в 1926 году: «В момент прихода Красной Армии я находился во Владикавказе, будучи болен возвратным тифом» (Михаил... 2004: 65).

* * *

Борис Евгеньевич Этингоф (1887–1958) – профессиональный революционер, член партии с 1903 года, участник революции 1905 года. Вел нелегальную партийную работу в Вильно и Варшаве, Могилеве, Могилевской области, в Выборге, Териоки и Тифлисе, подвергался преследованиям со стороны царского правительства –

сидел в тюрьмах, был в ссылках, скрывался в Германии. С 1910 по 1914 год был студентом-вольнотружателем юридического факультета Петербургского университета, давал уроки и постоянно сотрудничал в энциклопедии «Брокгауз и Ефрон». Он писал: «Этот период мне приходилось почти целиком отдаваться изысканиям заработка литературным трудом, уроками и заказами по рисованию и скульптуре» (ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 13. Л. 3).

Будучи студентом, Этингоф также брал уроки скульптуры у И. Я. Гинцбурга (ученика М. М. Антокольского). Этингоф, как и оба скульптора, происходил из виленских евреев, т. е. был их земляком. И как Антокольский покровительствовал юному Гинцбургу, так и Гинцбург был готов покровительствовать подающим надежды ученикам-евреям. Этингоф всерьез думал о художественной карьере, однако выбрал путь профессионального революционера. Его дочь Н. Б. Этингоф (2000: 54–55) вспоминает: «Гинцбург... заявил, что будет давать уроки бесплатно и, более того, готов сам платить студенту небольшую стипендию в течение года, при условии, что тот будет работать в мастерской ежедневно не менее четырех часов в день. Такое великодушие было столь неожиданно, что Борис не мог вымолвить ни слова. С трудом справившись с волнением, он, наконец, пробормотал, что очень благодарен учителю, но должен предупредить, что не всегда может располагать собой... бывают разные задания... иногда приходится выезжать из города... Гинцбург удивился: какие еще задания? Борис объяснил, что он социал-демократ, ведет партийную работу и это для него важнее всего! При этих словах Гинцбурга словно подменили, он встал и сухо сказал:

– Извините, больше нам не о чем говорить. Искусство и политика – вещи несовместимые. Всего хорошего».

В годы Первой мировой войны Этингоф «зачислился на работу на фронте в качестве заведующего врачебным пунктом, а затем контролера Кавказского Комитета Союза Городов» (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 3–4).

При этом он выполнял задания партии по пропаганде среди солдат в войсках на турецком (в Западной Армении) и персидском фронтах, где познакомился и сблизился с поэтом С. М. Городецким. Последний вспоминал: «Февральская революция застала меня в Персии. Там в обстановке отступающего нашего фронта я познакомился и сдружился с большевиками – доктором С. М. Кедровым и ревизором Б. Е. Этингофом. Они меня и ласково, и сурово вводили в круг идей, которыми я сейчас живу. Впечатления тех дней отражены в моем романе “Алый смерч”» (Городецкий 1984: 13).

В письме к Этингофу он писал: «Вот я вижу тебя улыбающимся скептиком. Что вызывало твой скептицизм? Неверие в беспомощность всех этих союзов городов и земских союзов, которыми московская и тифлисская буржуазия припудривала свое участие в истреблении людей с помощью военной машины... А ты меня спрашивал: – А для кого ты хочешь брать Царьград? Этим язвеным вопросом ты отслоил меня от прошлого и помог мне обратить свой талант к будущему. Это была осень шестнадцатого года. Ты помнишь эти сады Семирамиды, где мы с тобой карабкались над бездной, чтоб обласкать русскими руками клинописные надписи Аргишти второго, и где однажды я застал тебя – еще не доверяющего мне – в тайной беседе с солдатами, которым ты, должно быть, рассказывал то же, что и мне, о тайнах марксистского познания человеческой судьбы, и в том числе моей – поэта, жаждущего взять Царьград, и тебя, свеженького беглеца из Тифлисской тюрьмы... Кажется, я не ошибусь, если скажу, что Борис Евгеньевич Этингоф был первым, кто кратко и умно показал мне бездну, над которой стояла русская интеллигенция в своей некоторой части, не успевшей понять историческое величие большевизма. И когда через год, уже в Урмии, в Персии, где под вой шакалов мы узнали о Февральской революции, ты, ставя горьковский вопрос передо мной – с кем же ты? – нарисовал карикатуру на меня в склоненной позе над поверженными порфирами и коронами – и спросил меня, помещу ли я эту карикатуру в издаваемом мною на стеклографе журнальчике “Шерифханский пересмешник” – я ответил тебе делом, поместив эту карикатуру на себя в своем журнале» (Городецкий 1974: 195–196).

Этингоф послужил прототипом для образа большевика фельдшера Цивеса в романе Городецкого «Алый смерч» (1987: 149–150, 173–174): «Цивес чувствовал себя очень неплохо и ежеминутно восторгался красотами природы... – Нет! – прорезал железный грохот голос Цивеса, – ждате мы не будем! Мы начнем, а западный пролетариат подтянется. Мы уже начали, а если б не война... Революция неизбежна!.. Посредине, на операционном столе сидел лохматый Цивес... На нем была грязная шинель. Огромный термос, как всегда, болтался на одном боку, на другом маузер в деревянном футляре, на спине свисала походная фельдшерская сумка. Широкоскулое обветренное лицо хитро улыбалось, черные глаза быстро обводили присутствующих, заскорузлая рука ежеминутно ковыряла чернильным карандашом в широко разинутом рту, отчего губы уже залиловели. Речь его лилась громко».

В 1917 году после Февральской революции Этингоф вошел в состав Тифлисского районного комитета партии, был избран в Тифлисскую городскую думу и работал членом редколлегии газеты «Кавказский рабочий». Об этом вспоминал и Городецкий (1974: 196): «В том же семнадцатом году, когда я, опоздав в отступление, тем самым спас тебя от шамхорского побоища, устроенного грузинскими меньшевиками русским большевикам, попал в Тифлис, я встретался с тобой в редакции “Кавказского рабочего”...»

Этингоф был делегатом II съезда Советов (от солдат персидского фронта) и VI съезда партии, после которого его оставили в Петербурге в качестве члена первого ЦК Пролеткульта, организованного А. В. Луначарским еще до Октябрьской революции (ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 13. Л. 3). Он был участником штурма Зимнего, в дни революции – членом редколлегии газеты «Известия ВЦИК». В марте 1918 года первый ЦК Пролеткульта направляет его на Кавказ для организации Кавказского комитета (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 6–7). В автобиографии Этингофа читаем: «В марте 18 года ЦК партии был вновь командирован для подпольной работы в Закавказье. Краевым комитетом партии в Тифлисе был оставлен во Владикавказе...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 114631. Л. 52 об. [1935 г.]).

Этингоф с марта 1918 по февраль 1919 года работал председателем Пролеткульта Терской республики. О его деятельности в этот период свидетельствует Ф. Х. Булле: «Весною 1918 года т. Этингоф прибыл из Москвы в Терскую область (где я тогда работал) в качестве ответственного сотрудника Наркомпроса с мандатом, подтвержденным ЦК ВКП(б), и до февраля 1919 г. работал на ответственных партийных постах, главным образом по народному образованию и в качестве лектора» (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2223. Л. 26).

В 1918 году Этингоф принимал участие в военных действиях во время восстания полковника Л. Бичерахова. В его автобиографии говорится: «Непосредственное участие в боях с белыми принимал в гор. Владикавказе, во время августовских событий 1918 г. на Курской слободке, под Тарскими хуторами, на ст. Цоланово и т. д.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 114631. Лл. 52 об. [1935 г.]).

Х. М. Псахиев (1965: 181–182) вспоминает, что в августе 1918 года при отступлении большевиков из Владикавказа в Беслан

застал Этингофа в бронепоезде у Серго Орджоникидзе: «В вагоне находились Фигатнер, Этингоф и Мартынов».

В 1918 – начале 1919 года (?) Этингоф был членом Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией сыпного тифа (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 14274. Т. 1. Л. 44, 46). В тот период он жил во Владикавказе с семьей, женой и дочерью, которых отослал в Тифлис в машине по Военно-Грузинской дороге, когда стало очевидно, что отступление большевиков неминуемо. Об этом рассказывает Н. Б. Этингоф (Этингоф Н. б. г.: 6): «Обжигающий холодный зимний ветер, большой открытый автомобиль, где сидела мама, а папа, высоко подняв меня над землей, сказал: “Держи ее крепче”. И машина сразу же зарычала и двинулась... Так спасали свои семьи большевистские комиссары, предвидя падение Владикавказа».

Итак, 1919 год, Северный Кавказ, противостояние большевиков и деникинцев, именно тот период, когда Булгаков и Этингоф теоретически могли где-то столкнуться, в том числе и на фронте. Однако по воспоминаниям сына Б. Е. Этингофа Е. Б. Этингофа (устное сообщение), «что касается версии о том, как М. А. Булгакова захватили во время военных действий, то такого я от отца никогда не слышал. Кроме того, в феврале 1919 г. отец принимал участие в отступлении красных из Владикавказа и переходе через Кавказские горы, весной он добрался до Тифлиса, а затем переехал в Баку. Оттуда он, по-видимому, и направился во Владикавказ весной 1920 г. Таким образом, отец не принимал участия в боях с деникинцами на Северном Кавказе осенью и зимой 1919–1920 гг.».

Попробуем подтвердить эти воспоминания. В феврале 1919 года нарком просвещения Терской республики Я. Л. Маркус был убит деникинцами, после чего Этингоф исполнял его функции и принимал участие в обороне города (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 7–8). «Во время наступления Деникинской армии на Сев. Кавказ в 1919 г. принимал участие в боях под Владикавказом в рядах Красной гвардии, во время отступления по военно-грузинской дороге принимал участие в боях в Молоканской слободке и на подступах к военно-грузинской дороге» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 114631. Л. 52 об. [1935 г.]).

Сведения о его участии в отступлении Терского правительства и остатков XI Красной армии из Владикавказа в горы, а также о последующем переходе через Кавказский хребет в Грузию (далее через Алазанскую долину в Тифлис) на протяжении февраля и ран-

ней весны 1919 года находим у А. П. Лежавы (1975: 151; 1988: 49): «В феврале 1919 г. С. Орджоникидзе, а также Б. Калмыков, А. Назаретян, И. Бутырин, Ю. Фигатнер, М. Этингоф, Ю. Албогачиев, И. Зязиков, А. А. Гойгов, Х. Карашаев, М. Энеев, Ю. Настуев, Шехихачев и др. зимой перешли чечено-ингушские горы и укрылись в ингушском ауле Мужичи».

О присутствии Этингофа среди владикавказских комиссаров и большевиков в горах в начале февраля 1919 года сообщают в своих воспоминаниях Х. Орцханов, Сулейман сын Дени и А.-Г. Гойгов (ЦГАИПДРСОА. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 5. Л. 19; Картоев б. г.; Гойгов б. г.). Более подробно об этом переходе рассказывается в мемуарах самого Этингофа (Этингоф Б. б. г.): «В первых числах февраля 1919 года деникинская армия... окружила Владикавказ... Дальнейшее сопротивление было бесполезно, оставался единственный путь отступления на юг по Военно-грузинской дороге к границе меньшевистской Грузии... Но надо было... достать... продукты... Эта задача была возложена на меня, наркомзема Терской республики т. Родзевича и председателя Владикавказского горсовета Думбадзе... большой аул Ки... В группе собравшихся товарищей оказались Серго Орджоникидзе, Амаяк Назаретян, Юрий Фигатнер, Фриц Булле, Филипп Махарадзе и другие, всего человек тридцать руководящих партийных и советских работников Терской республики»¹.

В докладе В. А. Жгенти, полковника Инукивели (без инициалов) и Н. Кобишвили об интернированных из Владикавказа в Грузию от 1 марта 1919 года говорится, что «еще 16-го февраля, встретив офицера, везшего главарей большевиков: Кавтардзе, Цинцадзе, Думбадзе и других, – мы попросили остановиться и отдельно поговорить с названными главарями» (ЦГАИПДРСОА. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 87. Л. 12).

Поскольку Этингоф в мемуарах рассказывает, как переходил через горы Ингушетии вместе с Л. Думбадзе, надо полагать, что он также находился в той же группе большевиков. О его появлении в Тифлисе после этого вспоминает Н. Б. Этингоф (2000: 36–37): «Бы-

¹ Относительно названия села (аула, аулов), где скрывались большевики, информация в разных воспоминаниях и изложениях событий различается; их было несколько, а кроме того, могли быть разные транскрипции горских названий. Чаще всего говорится об ингушском ауле Мужичи (Мужичье), который был назначен сборным пунктом. Б. Е. Этингоф упоминает Ки. С. Д. Кулов говорит о селе Чми (Кулов 1957: 5). Н. Ф. Бугай упоминает четыре села, через которые прошел и где пребывал Г. К. Орджоникидзе весной 1920 года: Даттых, Гехи, Хамхи, Мужичи (Бугай 1986: 45–47). В других воспоминаниях и исследованиях упоминаются села Барсуки, Экажево, Сурхахи, Галашки, Шолхи, Долаково, Кантышево и Базоркино.

ла роскошная южная весна, когда папа вернулся в наш тифлисский дом... Рано утром мы услышали шаги в коридоре, какие-то странные, шаркающие. Мама выскочила и вдруг закричала, и в дверях появился наш дорогой папа Боря, которого уже считали погибшим. Он был в бурке и рваных чустах – тапочках, шел и оставлял на полу кровавые следы. Увы, недолго пришлось ему наслаждаться покоем, залечивая израненные ноги и руки. Большевикская полиция выследила его. Какое-то время он скрывался на Авлобаре, в старинной части города, в доме священника. Однако избежать ареста не удалось».

Сведения о местопребывании Этингофа в 1919 – начале 1920 года содержатся в его автобиографии: «В Тифлисе был назначен подпольным Краевым Комитетом партии вместе с Л. Думбадзе в комиссию по устройству интернированных из Владикавказа красноармейцев и был введен в редакцию предполагавшейся к открытию нашей партийной газеты вместе с Касьяном и Мравяном. Вскоре был арестован меньшевиками, сидел в губернской тюрьме и был выслан в Баку. По приезде в Баку (осень 1919 г.) был назначен Краевым Комитетом редактором подпольной газеты “Набат”, но я успел лишь организовать выпуск первого номера, так как, заболев тифом, был вынужден работу прекратить. По выздоровлении был кооптирован в Бакинский Комитет партии и вошел в состав правления нелегального рабочего клуба и так называемой рабочей конференции. Группой товарищей, эмигрировавшей с Северного Кавказа, был избран тогда же членом Северо-Кавказского Комитета...» (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 7–8).

В деле Этингофа имеется справка о его аресте меньшевиками в Тифлисе: «Этингоф Борис Евгеньевич гр. гор. Тифлиса на Вельяминовской ул. в доме № 3. 29 марта 1919 г. у него по распоряжению Начальника особого отряда при Министерстве внутренних дел демокр. Республики Грузии был произведен обыск, после чего был арестован и доставлен в особый отряд согласно постановления начальника особ. отряда от 29 марта 1919 года за № 646 был заключен в губернскую № 1 тюрьму. 15 апреля 1919 года Этингоф был освобожден из-под стражи с условием оставления границ Грузии, Этингоф был выслан в г. Баку» (Там же. Л. 20).

Н. Б. Этингоф (2000: 37) передает свои детские воспоминания об этом тюремном заключении отца: «Сидение в тюрьме Метехского замка не слишком угнетало узников. Разгильдяйская стража смотрела сквозь пальцы (конечно, за определенную мзду) на пере-

говоры с родными через окошко камеры. И на передачу продуктов и литературы с помощью веревки, которую арестанты спускали из того же окошка. Помню, даже однажды мама со мной проникла в саму камеру, и мы возлежали там на нарах...»

Сохранились документы, касающиеся деятельности подпольной Тифлисской комиссии по устройству интернированных из Владикавказа красноармейцев. Некоторые из них (от 3 марта 1919 года и 24 апреля 1919 года) содержат подпись «Секретарь С.Р.Д. В. И. (или В. – О. Э.) Мухаринский» или упоминание того же имени (после 20 июля 1920 года) (ЦГАИПДРСОА. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 87. Лл. 25–30). С.Р.Д. – это сокращение Совета рабочих и солдатских депутатов города Тифлиса, который, как и пишет Этингоф, был в то время подпольным. Этингоф породнился с семьей Мухаринских, его жена Амалия Ароновна была дочерью А. А. Мухаринского, известного тифлисского врача. По воспоминаниям родственников, в семье не было большевика Мухаринского, да еще с такими инициалами, скорее это был один из партийных псевдонимов самого Этингофа. Инициалы в подписи совпадают с инициалами В. И. Ленина. Это также может быть свидетельством того, что имя было придуманным псевдонимом. Вероятно, Этингоф, скрываясь от меньшевиков, не мог подписываться своим именем, а также упоминать его в документах.

По воспоминаниям Н. Б. Этингоф и по сведениям из автобиографии Этингофа, выйдя из тюрьмы в Тифлисе, он не сразу уехал в Баку, но оставался до осени в Грузии (а лето 1919 года провел с семьей в высокогорном селе Сурами). «Мы ехали на поезде в Тифлис. Мы провели счастливое лето в высокогорном поселке Сурами. После этого лета мы надолго расстались с папой. Он лежал на полке плацкартного вагона, я сидела у него на животе, и он рассказывал мне и маме, лежавшей напротив, свои похождения. Это были еще совсем свежие впечатления, прошло лишь три месяца с тех пор, как он вернулся из далеких своих скитаний...» (Этингоф Н. б. г.: 5–6).

О деятельности Этингофа в этот период и его работе в Баку также вспоминает Н. Б. Этингоф (2000: 32–33): «Не знаю, почему папа не рассказал мне историю о том, как Анастас [Микоян] спас ему жизнь? Было это в 1919 году в Баку, куда попал Борис после отсидки в Метехском замке – главной тифлисской тюрьме. Оказавшись в Баку, Борис попал из огня да в полымя: в городе свирепствовали пришедшие к власти мусаватисты... Их солдаты рыскали по всему городу, выискивая и выслеживая большевистских комис-

саров... А незадолго до этого папу сбил с ног сыпной тиф. Он лежал в беспамятстве в каморке полуподвальной квартиры одного бакинского рабочего, когда солдаты стали прочесывать кварталы “черного города” – заводского района, где как раз и находился Борис. Когда облава приблизилась вплотную к ближайшим улицам, в квартиру рабочего вбежал Анастас Микоян. Он был одним из немногих, кто знал о болезни и беспомощном состоянии тифозного больного. Анастас (он был меньше Бориса ростом, но очень силен и вынослив) взвалил Бориса себе на спину и проходными дворами вынес его из оцепленной зоны в более безопасное убежище. Сам же он с двумя товарищами вскочил в маленький рыбацкий баркас и скрылся в осенних водах Каспия. Эту историю мне рассказала мама, поэтому в ее достоверности я не сомневаюсь... Вызванная в Баку из Тифлиса, она перевезла папу туда, где никто не мог заподозрить его пребывания: в домик главного инженера крупного нефтеперерабатывающего завода. Фамилия инженера была Алибегов. Его сестры дружили с мамиными родителями. Там, на заводе, отец и мать скрывались больше месяца, пока папа не оправился от болезни. Встав на ноги, Борис бросился разыскивать товарищей, уцелевших после облавы».

Имеются и другие сведения о его деятельности в этот период. Так, у Городецкого (1974: 196) читаем: «Я не помню дальше точных дат. Тебя посадили. Мне предложили выехать или сесть за редактирование сатирического журнала “Нарт”... Но мы снова встретились с тобой уже в Баку, в редакции “Набата”». Булле сообщает: «В 1919 году, при отступлении от нашествия Деникина, т. Этингоф вместе с нами перебрался через горы в меньшевистскую Грузию, а потом в Баку, где работал подпольно по поручениям Закавказского краевого Комитета и Бакинского Комитета ВКП(б) до февраля – марта 1920 г.»» (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2223. Л. 26). М. С. Руманов-Асхабадский свидетельствует: «Знаю товарища Этингоф Бориса Евгеньевича по совместной работе на Северном Кавказе с 1918 года. ...После падения Советской власти на Тереке в начале 1919 года, где он был комиссаром просвещения, я вновь встретился с ним летом 1919 года на подпольной партийной работе в Баку, а затем в Тифлисе на подпольной конференции Кавказского краевого комитета партии» (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14274. Т. 1. Л. 226). Подтверждают пребывание Этингофа в Тифлисе и Баку с февраля 1919 до весны 1920 года также А. Г. Анджиевская, З. С. Савкина и М. Г. Мальсагов (Там же. Лл. 223, 142, 220, 143).

* * *

Итак, если с Булгаковым происходил на фронте эпизод, описанный Никитиной или теми, кто ее пересказывал (?), он не связан с Этингофом, который с февраля 1919 года находился по другую сторону Кавказских гор, вне военных действий, а осенью и зимой 1919–1920 года болел тифом в Баку.

Что же могло связывать этих двух людей в период Гражданской войны? Вновь обратимся к автобиографиям Этингофа: «Весной 1920 года вместе с другими членами северо-кавказского комитета, по постановлению Краевого Комитета партии, мы пробрались через фронтовую полосу на Северный Кавказ, где после очищения Владикавказа, Грозного, Минеральных вод от белых вошел в состав первого областного ревкома в качестве заведующего Областным отделом народного образования (март-апрель 1920 г.)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 114631. Л. 53 [1935 г.]).

«Прорыв южного фронта» в рассказе Никитиной, скорее всего, относился именно к весне 1920 года, когда денкинские войска были вытеснены, а красные заняли Владикавказ. В это время больной тифом Булгаков был прикован к постели. В апреле Этингоф возглавил Терский наробраз, куда и был принят на работу будущий писатель. О том же вспомнила Н. Б. Этингоф и рассказывал Слезкин (1979: 212, примеч. 1): «Борис Евгеньевич – мой бывший патрон (тогда зав. Народным образованием Владикавказского округа), когда я подвизался там в качестве зав. подотделом искусств».

Но это уже совсем другая история. Тем самым версия о фронтовой встрече с Этингофом и взятии Булгакова в плен красными не подкрепляется реальными фактами. Представляется также, что и психологически это не вполне достоверно. Странно так искренне радоваться человеку, которому Булгаков мог быть обязан жизнью ценой лечения солдат вражеской армии по принуждению и под угрозой расстрела. В такой ситуации он совершил бы предательство по отношению к Добровольческой армии и к тем, кого расстреляли, а это противоречит тому, что мы знаем о нравственной позиции выдающегося писателя.

Литература

Белопольский, В. [Б. г.] Жизнь и судьба генерала Маслянникова. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.regla.rsu.ru/n50/hist50.htm>

Бугай, Н. Ф. 1986. *Г. К. Орджоникидзе на Северном Кавказе. 1918–1920 гг.* Нальчик: Эльбрус.

- Булгаков, М. А.**
2004. *Собр. соч.*: в 8 т. М.: Центрполиграф.
2006. *Необыкновенные приключения доктора*. Киев: Ателье нестандартных изданий «Закон жанра».
- Виленский, Ю. Г.** 1991. *Доктор Булгаков*. Киев: Здоровье.
- Гиреев, Д.** 1980. *Михаил Булгаков на берегах Терека*: документальная повесть. Орджоникидзе: Ир.
- Гиреева, Т. Д.** 1994. «Вы очень верно передали мир Михаила того времени...». Переписка первой жены М. А. Булгакова Т. Н. Булгаковой (Кисельгоф) с Д. А. Гиреевым. 1980–1981 гг. *Известия РАН. Серия литературы и языка* 53(1).
- Гойгов, А.-Г.** [Б. г.] За новую жизнь. Вверх по Ассе. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ingushetiya.ru/culture/158.html>
- Городецкий, С. М.**
1984. *Жизнь неукротимая*. М.: Современник.
1974. Письмо Б. Е. Этингофу от 19 декабря 1954 г. В: Городецкий, С. М., *Об Армении и армянской культуре*. Ереван: Айастан.
1987. Альфий смерч. В: Городецкий, С. М., *Избр. произведения*: в 2 т. Т. 2. *Проза*. М.: Худ. лит-ра.
- Земская, Е. А.** 2004. *Михаил Булгаков и его родные*. М.: Языки славянской культуры.
- Картоев, М.** [Б. г.] У очага истории. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ingushetiya.ru/article/82.html>
- Карум, Л. С.**
1967. *Горе от таланта: М. А. Булгаков как человек и писатель*. Очерк. Новосибирск. АМБК.
[Б. г.] *Моя жизнь. Рассказ без вранья*. Ч. IV. *Революция*. АМБК.
- Киреев, Ф. С.** 2007. *По улицам Владикавказа*. Ростов н/Д.: Донской издательский дом.
- Кулов, С. Д.** 1957. Борьба трудящихся Северной Осетии против денкинской контрреволюции. *Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического пединститута им. К. Л. Хетагурова*. Т. 22. Вып. 3. Орджоникидзе.
- Лежава, А. П.**
1975. *Революционное содружество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе за победу Социалистической революции*. М.: Наука.
1988. Из истории грузино-северокавказского революционного содружества в борьбе против деникинщины (северокавказские большевики в Грузии). *Вопросы истории народов Кавказа*. Тбилиси.
- Михаил** и Елена Булгаковы. *Дневник Мастера и Маргариты*. М.: Вагнус, 2004.

Ноженко, С. 2005. Под флагом красного креста, или «Булгакова заменить некем». *Київ і кияни. Музей історії міста Києва. Матеріали щорічної науково-практичної конференції*. Вип. 5. Київ.

Паршин, Л. 1991. *Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова*. М.: Книжная палата.

Псахиев, Х. М. 1965. Борьба против контрреволюционеров в Беслане и в других районах Северной Осетии. В: Ботоев, М. Д. (отв. ред.), *Гражданская война в Северной Осетии. По воспоминаниям участников (1918–1919 гг.)*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во.

Слезкин, Ю. Л.

1979. Пока жив – буду верить и добиваться... *Вопросы литературы* 9.

2005. Столовая гора. Повесть о многих изгнанниках (предисл. и публ. С. Никоненко). *Дарьял* 4.

Фельштинский, Ю. Г., Чернявский, Г. И. (ред.) 2004. *Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков*. М.: Терра – книжный клуб.

Цветков, В. Ж. 1999. «...Добровольческая армия идет на Ингушетию не с миром, а с войной». *Военно-исторический журнал* 1–2.

Чудакова, М. О. 1988. *Жизнеописание Михаила Булгакова*. 2-е изд. М.: Книга.

Шенталинский, В. 2001. *Донос на Сократа*. М.: Формика-С.

Этингоф, Б. Е. [Б. г.] *В горах Кавказа*. Архив Е. Б. Этингофа.

Этингоф, Н. Б.

[Б. г.] *Отец – Борис Евгеньевич Этингоф – 1887–1958 гг.* Архив Н. Б. Этингоф.

2000. Портреты сухой кистью. В: Этингоф, Н. Б., *Портреты сухой кистью*. Рассказы. Иерусалим: Alphabet.

2008. Кострома: Театр юного зрителя – ТЮЗ. *Отечественные записки. Журнал для медленного чтения* 40(1): 314–333.

Яновская, Л. М. 1983. *Творческий путь Михаила Булгакова*. М.: Советский писатель.

Архивы:

АМБК – Архив Музея М. А. Булгакова в Киеве.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГЛМ – Государственный литературный музей.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦГАИПДРСОА – Центральный государственный архив историко-политической документации республики Северная Осетия – Алания.